

18+

Светлана Данилина

Гуманитарная миссия

Светлана Данилина
Гуманитарная миссия

«Издательские решения»

Данилина С.

Гуманитарная миссия / С. Данилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565719-0

Впервые книга рассказов «Гуманитарная миссия» была издана в Риге в 2017 году. Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев. Книга написана в реалистической манере, её отличают высокая духовность, занимательность, оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка.

ISBN 978-5-00-565719-0

© Данилина С.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Предисловие	7
На родину	9
Гуманитарная миссия	14
Нормальная профессия	20
Бегство от монитора	24
Золотая пуговица	28
Уженье карасей, или О практической пользе классики	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гуманитарная миссия Светлана Данилина

*Варваре Соколовской
Нине Русановой
Людмиле Васильевне Спроге*

© Светлана Данилина, 2022

ISBN 978-5-0056-5719-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Издательство Ridero предлагает читателю второе издание книги Светланы Данилиной «Гуманитарная миссия».

Впервые книга «Гуманитарная миссия» была издана в Риге (Латвия) в 2017 году.

Книга «Гуманитарная миссия» – это сборник рассказов.

Действие в представленных в сборнике произведениях происходит в наши дни. Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, находящихся в обычных жизненных ситуациях. Это люди с яркими и непохожими друг на друга характерами, представители разных профессий, социальных слоёв, возрастных групп, с разным житейским опытом и отношением к жизни.

Рассказы написаны в реалистической манере. Их отличают оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка.

Предисловие написано писателем, филологом, переводчиком, преподавателем русского языка и литературы Ниной Русановой (Барселона).

Обложка Светланы Самоваровой (Рига).

Фотография Светланы Данилиной.

Книги Светланы Данилиной:

Коллекция характеров. – Рига: Gvards, 2008. Коллекция характеров. Sequel. – Рига: Gvards, 2010.

Всё та же коллекция. – Рига, 2013.

Портреты, прелести, причуды. – Рига, 2014.

Конференция. – М.: Авторская книга, 2016.

Гуманитарная миссия. – Рига, 2017.

Арт-галерея. – Рига, 2020

Предисловие

...И таких маленьких, но поразительных мелочей я мог бы привести сотни... Все мы проходим мимо этих характерных мелочей равнодушно, как слепые, точно не видя, что они валяются у нас под ногами. А придёт художник, и разглядит, и подберёт. И вдруг так умело повернёт на солнце крошечный кусочек жизни, что все мы ахнем. «Ах, боже мой! Да ведь это я сам – сам! – лично видел. Только мне просто не пришло в голову обратить на это пристального внимания»...

А. И. Курприн

Случалось ли вам видеть воплощение мечты?

Мечты – вашей собственной, но претворённой в жизнь кем-то другим, причём лучше, – полнее и совершеннее, – чем это могли бы сделать вы сами?

Мечты, воплощённой *. мастерски*

Для меня таким воплощением задумки о некоей , стало неожиданное и чрезвычайно обогащающее знакомство с прозой Светланы Данилиной, выпустившей к моменту нашей встречи уже два сборника рассказов и повестей: «Коллекция характеров» и «Коллекция характеров. Sequel». Немногим позже мне посчастливилось стать одним из первых читателей других её книг – «Всё та же коллекция», «Портреты, прелести, причуды», «Конференция» и «Гуманитарная миссия». *галерею образов персонажей*

Филолог, журналист и редактор, прозаик, лауреат сетевой премии «Народный писатель» 2013 и 2015 годов в номинации «Выбор экспертов», неоднократный финалист премии «Писатель года», член коллегии экспертов премии «Народный писатель – 2016», дипломант премии «Наследие – 2017», знаток и тонкий ценитель мировой и русской литературы, как современной, так и классической, Светлана Данилина является продолжателем лучших традиций последней. Все её произведения написаны в классической манере, великолепным русским языком.

Автор предстаёт перед нами как истинный художник слова, на полотнах которого нет ни одной лишней детали, чьи работы не перегружены, не тяжелы для восприятия: все краски в них свежие и яркие, все тона и оттенки светлые, лёгкие, тёплые. Всё необычайно живо, . Все произведения глубоко психологичны – герои и ситуации, в которые они попадают, . *настоящему узнаваемы*

В прозе Светланы мы не найдём каких-либо конкретных, с действительности персонажей, – все образы собирательные. Однако, погружаясь в атмосферу любого из произведений, читатель начинает : , !.. Каким-то чудом автору удаётся извлечь воспоминания о людях и событиях не только из своей творческой копилки, но и из копилки памяти читающего. Это делает прозу Светланы Данилиной необыкновенно близкой широкому кругу читателей. *рисованных припоминать да-да так и было*

Нет в её работах и откровенных шаржей или карикатур. Автор не ставит перед собой целей «обличать» и «бичевать». Писатель – художник слова, , который просто делает своё дело: . Описывает, выписывает – тщательно, правдиво, но в то же время незлобливо, что в наш век уже само по себе редкость. *мастер пишет*

Лаконичность повествования и неожиданная развязка, узнаваемость персонажей, добродушный юмор и сочувствие героям сближает работы Светланы с короткими рассказами А. П. Чехова раннего периода творчества. Таковы её рассказы «Кошелёк», «Чудодейственное средство», «Ода бетономешалке», «Умытое утро», «Призма, вписанная в сферу», «Пар из-под крышки», а также вошедшие в настоящий сборник «Бегство от монитора», «Зимние забавы» и «Днём с огнём».

Любование людьми и природой, наличие «жанровых сценок», глубокая и искренняя народность произведений делает их близкими творчеству Н. В. Гоголя в ранний его период. Это такие рассказы как «Фольклорная практика», «Первый закон Ньютона», «Морской пейзаж», «На родину», «Гуманитарная миссия».

Некоторые сюжеты Светланы напрямую отсылают к тому или иному шедевру мировой литературы, ведут с ним своеобразный диалог, тем самым приближая и открывая нам классику с новой, подчас неожиданной стороны, а также приглашая нас по-новому взглянуть на современность. Таковы её «Привет Диккенсу» и «Аллюзии, или Воспоминания о миргородском гусаке».

Проза Светланы Данилиной – это богатство живописных приёмов и великолепное ими владение, это ясность мысли и безукоризненная чистота языка. Знакомство с очередной книгой талантливого автора подобно глотку свежего воздуха, а погружение в чтение дарит отдых душе. Все работы Светланы способны порадовать слух и глаз самого искущённого и взыскательного читателя, критика; а собрата по перу ещё и вдохновить на дальнейшее творчество.

«Гуманитарная миссия» – так называется этот, шестой по счёту, сборник, который мне выпала честь здесь представить. Всего в книгу вошло более двадцати произведений. Здесь и рассказы, и миниатюры, и поэтические пародии.

Окунитесь в чтение, погрузитесь в него – и, быть может, вы узнаете себя или кого-то из близких... Ну, или не очень близких знакомых.

Поверьте, в этом тоже есть своя, особая прелесть! Ведь всё выписано автором-живописцем не просто искусно, а с большой любовью, – и не только к русскому языку и литературе, но – и это прежде всего! – *к человеку*

Нина Русанова,
филолог, переводчик,
поэт, прозаик,
член Российского союза писателей

На родину

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

А. С. Пушкин

Летят воспоминания к брегам бесценным родины моей...

К. А. Коровин

Меценат

*Вьшул хлеба ломоток
И поехал на восток...*

П. П. Ершов

«Конек-Горбунок»

Дядя Ваня ехал на родину.

На родину он ездил часто. И звала его туда светлая приятная ностальгия. Любил он родные места, где прошли детство и юность.

Жил он недалеко от родины – в небольшом посёлке – всего в десяти километрах.

Но иногда его тянуло туда, где дышится легче и видится светлее, и чувствуется вольготнее и полней, и где даже воздух особенный – хороший и вкусный, сродни запаху испечённого матерью ржаного хлеба.

Приехав на родину, навещал он стоявший закрытым осиротевший родительский дом, заходил в сад, летом косил траву, зимой чистил снег, отправлялся проведать братьев, другую родню и друзей.

Подпитывался, набирался сил и духа, а потом возвращался домой окрепшим и счастливым. Родина давала ощущение... А вот не передать словами этой жажды жизни и удовлетворённости, причастности и приобщённости, духовной наполненности, незыблемости связей, крепости корней, принадлежности родной земле, где жили поколения за поколениями все предки, любили, радовались, грустили, работали, преодолевали невзгоды и достигали намеченного, растили детей и уходили в дальнюю даль, в светлую память, в вечную жизнь.

Любил дядя Ваня эти поездки на родину. И часто совершал свой путь, радующий и обогащающий душу, словно ритуал соблюдал.

Вот и сейчас в выходной воскресный день ехал он на рабочем газике по новенькому асфальтированному шоссе в центральной России – среди пшеничных полей под июльским голубым небом в начале восьмидесятых.

Вспоминал он, как ходил в школу по этой дороге. В его родной деревне школы не было, а в соседней – только семилетка, и старшеклассники перебирались в ближайший посёлок, в интернат, учились там, а по субботам после уроков большой весёлой оравой возвращались домой, чтобы в понедельник утром опять собраться вместе и преодолеть десяток километров. Теперь дядя Ваня жил в этом посёлке, работал, занимал определённый пост и всегда знал цену барреля нефти.

«Сейчас хорошо! – думал он, выкручивая направо баранку на повороте. – Сел в машину – пятнадцать минут – и на месте. А пешком!»

Хотя в хорошую погоду такая прогулка была даже приятной. А вот в ненастье, в дождь, в осеннюю распутицу, когда ноги в резиновых отяжелевших от прилипшей чавкающей грязи сапогах увязали в чернозёме, идти по бездорожью было трудно. Или зимой по трескучему морозу, или в метель, когда шли «по столбам» – не было в чистом поле других ориентиров – только снег, едва различимый след, направление и внутреннее чутьё. И асфальта не было. А если идти в одиночку – так совсем скучно. Хотя по молодости всё воспринималось легко и как должное. Даже весело было шагать всем вместе с шутками и прибаутками.

«Да, бегали! – думал дядя Ваня. – А теперь-то что? Благодать!»

Так неспешно размышлял дядя Ваня. И вдруг на полпути увидел на обочине одинокого пешехода. Человек на проезжей дороге всегда привлекает внимание тех, кто двигается на машине. Он словно выбился из другого мира, и смотрящий в окно, заметив путника, всегда думает о том, что заставило человека преодолевать пешком несколько километров, сколько он прошёл, как ему идётся – легко ли, тяжело ли, и далёк ли его маршрут.

Дядя Ваня издали заметил одинокого мужчину. Двигался тот в том же направлении, то есть увидел дядя Ваня его спину.

Было понятно, что человек отмахал уже немалый кусок и впереди до ближайшего населённого пункта у него ещё немало километров.

Дядя Ваня был доброй душой и всегда подвозил попутчиков.

«В Топтыково идёт, наверное», – подумал он.

Больше идти было и некуда. Ну, разве что в Дуровку или в Горюшки. Но это только через Топтыково. А до следующих населённых пунктов отсюда далеко, надо попутку ловить или автобус ждать. Но это история долгая – автобусы здесь ходят редко.

Подъехав поближе, дядя Ваня увидел военные брюки с широкими красными лампасами.

«Генерал!» – удивился дядя Ваня непредсказуемости мира.

Откуда бы взяться одинокому генералу, да ещё в форме, жарким летним днём посреди российских просторов?

Но тот целеустремлённо шёл размеренным достаточно скорым шагом, перекинув через плечо китель и сумку на длинной ручке – совсем не по форме и статусу.

Дядя Ваня подъехал и притормозил.

– Подвезти? – спросил он, приоткрыв окошко своего «козла».

– А вы далеко едете? – вопросительно и оценивающе взглянул ему в глаза остановившийся путник.

– В Топтыково! – радостно ответил дядя Ваня.

– Подвезите! – обаятельно и широко улыбнулся генерал, раскрыв дверцу, как-то легко и привычно сел на переднее сиденье и быстро захлопнул её хорошо отработанным движением.

Дядя Ваня знал в своей деревне всех. Но генералов в Топтыкове отродясь не водилось. И в родне ни у кого тоже не было.

– А вы к кому же? – любознательно поинтересовался он.

– Да я не в Топтыково, – ответил генерал, – мне дальше надо.

Дядя Ваня опять прикинул народонаселение округи и опять никого из генералитета в своей памяти не нашёл.

– Алексей, – просто представился мужчина.

– Иван, – так же просто ответил дядя Ваня. – Так куда же вам? Давайте довезу! Устали, наверное, километров пять уже от Троекурова отмахали!

– Мне, Ваня, в Соколовку надо, – сказал попутчик.

– В Соколо-овку! – протянул дядя Ваня и призадумался, прикидывая. – Так здесь нет никакой Соколовки.

– Как же нет?! – сказал Алексей. – Есть! Это родина моя! Вот приехал. Навестить. Посмотреть.

– Постой-постой, – озадаченно произнёс дядя Ваня, – нет у нас такой деревни. Топтыково есть. Люблино было, да никого там уже не осталось. Все в Топтыково переселились.

Человек внимательно слушал, впитывая информацию, а дядя Ваня охотно продолжал:

– Усово рядом было. Тоже теперь пустое. Одни сады стоят. Говорят, что всё распашут. Поле будет. Горюшки есть. Но там совсем мало народа. Дуровка есть. А в ней порядки – Орловка, Воробьёвка, Чибизовка. Может, вам туда? Соловьёвка есть, но это в другую сторону, – и дядя Ваня махнул рукой назад, за левое плечо. – Вы ничего не перепутали?

Дядя Ваня знал свою родину – все места и всех людей.

– Была Соколовка, – скупое и коротко сказал попутчик, – между Дуровкой и Горюшками, – и прищурясь посмотрел в окно, отвернув голову.

Он тяжело и громко сглотнул слюну, и дядя Ваня услышал неудачную попытку скрыть этот пронзительный предательски вырвавшийся звук.

Во время долгой паузы у дяди Вани защемило в глазах. Он словно поймал натянутый щемящий и бьющий по нервам звон тонкой струны, понял и прочувствовал, почему отвернулся попутчик и почему не хочет показывать своих глаз.

– Нет её теперь, наверное? – неуверенно спросил человек.

– А поедете! – решительно сказал движимый сочувствием дядя Ваня, быстро и кардинально поменяв свои планы. – Отвезу я вас! Найдём!

– Вот спасибо, – генерал повернулся к нему всем корпусом и засветился благодарной улыбкой и человеческой добротой, и красоте поступка.

– Поле там теперь чистое, – сказал между тем дядя Ваня.

– Во как! – горько произнёс человек и как будто осел под тяжестью известия.

Но тут дядя Ваня вдруг встрепенулся и даже ладонью по ноге прихлопнул:

– Вспомнил! Рассказывали в детстве, что там деревушка была небольшая. Мы на речку туда с ребятами бегали купаться – на доску.

– Нет, я такого не знаю, – произнёс Алексей.

– Так называли. Доска там лежала. А на другом берегу кусты росли. Старики говорили, что деревня была. Но нет там теперь ничего. Распахали всё подчистую. Пшеница растёт – поле! Значит, Соколовка!

Дядя Ваня с интересом, размышляя вслух, беседовал с попутчиком.

– Мы там в детстве сусликов отливали! – вспоминал он.

– Сусликов, – повторил вслед за ним и усмехнулся человек. – Вот там я и родился.

– Да-а-а, – протянул дядя Ваня, не зная, что сказать, и понимая, что непростая это тема для собеседника и что ещё не раз отведёт он прищуренные глаза в сторону, будто вглядываясь в окрестности, и не раз ещё натужно сглотнёт слюну.

– Говорили-говорили, – вспоминал дядя Ваня. – Ты гляди! Была Соколовка! Только давно. Теперь про неё никто и не знает. Значит, вы оттуда?

– Оттуда, – принялся рассказывать собеседник. – В тридцатом году нас раскулачили. Мне тогда было семь лет.

– Что понаделали! – вздохнул дядя Ваня. – И в колхозы сгоняли, и кулачили. Вот ведь жизнь!

– За что раскулачили? – размышляя, продолжал человек. – Непонятно. Богатства никакого у нас не водилось. Жили, работали. Хлеб сеяли, картошку копали, сад был большой. Лошадь у отца имелась. Да деревня маленькая. Наверное, разнарядка пришла: всех в колхоз, кого-то раскулачить. А раз лошадь есть, значит, богач! Хоть и пахали до кровавых мозолей. Вот мы и попали.

Дядя Ваня слушал, понимая, что не каждому такое рассказывают, и откликаясь на особое доверие и расположенность незнакомца, открывшего ему сокровенное и важное, большое и незаживающее, близкое сердцу, в муках и страданиях отрываемое от него.

Однако же говорил человек просто, не давая скорбными эмоциями на душу и нервы собеседника, сообщал информацию. Однако же за обыденностью голоса, слов и фраз вырастала настоящая трагедия.

– Кроме меня, в семье ещё трое детей было, я старший. Как сейчас вижу: зима, снега – по пояс, метель лютая, всё крутит и вертит, ветер воет. Нас, маленьких, из избы вывели, потом деда, бабу, отца, мать. А она в сани садится и тулуп запахивает. А там у неё на груди под тулупом-то – сестрёнка месячная – считай, только родилась. Посадили всю семью в эти сани и отвезли в Троекурово. Потом – в поезд, в теплушку. Солому на пол бросили. Поехали куда-то. Говорили – на Север. Я недавно справки навёл. В Котлас отправляли, под Архангельск, – человек сделал паузу, и было видно, что ему нужна передышка. – Закурить-то можно?

– Кури, конечно, – ответил дядя Ваня.

– Ехали мы, ехали, – продолжал рассказчик. – И на какой-то станции мать меня за кипятком послала – с чайником. Пока я в очереди стоял, поезд ушёл. Прибежал, а его нет. А мне семь лет. Ничего толком не знаю. И стою я с этим чайником. Куда его теперь девать? Вот...

И опять сделал человек большую паузу, глядя пустым отрешённым взглядом то ли внутрь себя, то ли в прошлое, то ли на серый асфальт дороги.

– Попал в детский дом. Оттуда – в суворовское училище. Потом – в артиллерийское. Вырос. Выучился. Пытался своих искать, да никого не нашёл. Сгинули, наверное. Как знать? – опять вздохнул Алексей. – Женился. Семью завёл, дети родились – сын и дочка. Служил всю жизнь. Помотался по свету: и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и в Германии был. Спасибо армии родной – в люди вывела. Потом в отставку вышел. Теперь в Москве. И захотелось мне хоть одним глазком на родину свою посмотреть, раз родных у меня нет. Сел в поезд. Что тут ехать-то? Пять часов! Вот вышел, иду, вспоминаю...

– Найдём! – сказал дядя Ваня. – Я сам-то там давно не был... Но дорога вроде полевая есть. Техника во время уборки ходит. Найдём!

Так они и ехали. Свернули с шоссе, миновали Топтыково.

– Ничего не узнать! Как всё изменилось, – говорил генерал, глядя по сторонам. – Вон там вдалеке впереди и справа должна быть моя Соколовка.

Подъехали в Дуровке, оставили позади Чибизовку, увидели пруд с плотиной, свернули направо и оказались в поле.

– Ты к речке ближе держи, к Рясе, – подсказал генерал, – деревня на берегу стояла.

Но обмелевшей речки почти не было видно. Она местами ныряла под землю, иногда показывалась и сверкала на солнце небольшими голубыми зеркальными озёрками, пряталась в камышах и в зарослях ивняка.

– Да, наверное, где-то тут, – вглядывался в окрестности человек, – только речка раньше шире была.

Слева от просёлочной дороги простиралось золотое пшеничное поле.

– Здесь, кажется, – сказал дядя Ваня и затормозил.

Алексей вышел из машины и остановился – замер на гладко накатанной грузовиками потрескавшейся от солнцепёка дороге.

Он стоял одиноким обелиском и смотрел по сторонам, силясь понять, где что было, осознать свою судьбу и судьбу людей, когда-то живших здесь, своё одиночество, неприкаянность и желание прислониться усталым сиротским взглядом хоть к какой-нибудь единственной примете, хоть к былинке.

Дядя Ваня неспешно вылез из-за руля на дорогу, огляделся и подошёл к попутчику.

– Вроде здесь, – тихо сказал скиталец.

Они походили вместе по небольшому пятачку земли, нашли крохотный ручеёк, спускавшийся с маленького пригорка и превращавшийся в топь возле хитрой скрывавшейся в траве речушки.

– Тут, кажется, колодец был, – припомнил-предположил генерал, вглядываясь в траву.

– Ты смотри! – вдруг воскликнул он, нагнулся и поднял из травы ярко сверкавший жёлтый черепок. – Махотка!

И диалектное слово, которым он много лет не пользовался, как редкая находка, весело выпрыгнуло из его уст.

– Может, и наша? – усмехнулся он, бережно уложив кусочек прежней жизни на широкую ладонь и внимательно разглядывая его.

Покрытый с одной стороны ярко-жёлтой глазурью осколок глиняного горшка был тёплым, гладким и сверкал, как маленькое солнышко.

Дядя Ваня смотрел на странника и понимал, что должно твориться у того в душе.

– Ты знаешь, Иван, – сказал генерал, – спасибо тебе! Поезжай! У тебя дела. А я тут побуду. Посижу. Подумаю. Повспомоная. На кладбище в Дуровку схожу. Могил там, конечно, не найти. Но хоть посмотрю.

– А обратно? – спросил дядя Ваня.

– Да, пешком дойду! Что тут! Или попутку поймаю. Довезёт кто-нибудь. Свет не без добрых людей.

На том и простился дядя Ваня со своим попутчиком.

А спустя много лет рассказал эту историю автору.

Вот и автору послезавтра предстоит отправиться в этот любимый путь – на родину.

Чтобы вдохнуть, вздохнуть и наполниться. И посетить могилы. И дяди-Ванину тоже. Светлая ему память.

7.07.2016

Гуманитарная миссия

*Людмиле Васильевне Спроге
Когда б не тихой дружбы свет.*

А. С. Пушкин

*Это – из жизни другой мне
Жалобный ветер напел...*

А. А. Блок

В достопамятные догугловские времена полуночный телефонный звонок с вопросом «А как звали коня Александра Македонского?» был в квартире Шурочки делом привычным.

Не то, чтобы она была такой уж ходячей энциклопедией, но друзья и знакомые любили обращаться к ней с необычными вопросами.

Шурочка, порывшись в закоулках памяти, выдавала ответ или целеустремлённо шла к книжным полкам, внимательно их разглядывала, находила нужные книги, азартно копалась в них, перезванивала любопытствующей подруге и радостно сообщала результат поисков.

В данном случае она сразу вспомнила и недоумённо произнесла:

– Буцефал, а что?

Хотя и так было ясно, «что» – свои дети тоже иногда вспоминали о домашних заданиях при вечернем сборе портфелей.

– Завтра в школу! – радостно сообщила подруга. – Уроки делаем! Хорошо, что хоть к полуночи спохватился!

Традиция повелась со школьных лет.

– А ты сорок седьмую задачу решила? – наперебой интересовались по телефону одноклассники.

И ответственная, а к тому же отзывчивая сердобольная Шурочка рассказывала и Вале, и Тане, и Саше, и Серёже, сколько воды надо пустить в бассейн через одну трубу, чтобы в нём можно было спокойно поплавать при условии, что через другую трубу из него столько-то воды вытечет.

И по физике, и по химии она тоже регулярно проводила подобные подчас объёмные и длительные консультации, пересказывая «человеческим» языком неинтересные правила.

И, легонько поглаживая за мягким ушком свою любимицу Мурку, решала по телефону задачи по биологии и определяла, сколько чёрных, белых и чёрно-белых котят родится у голубоглазой снежно-белой кошки и зеленоглазого чёрного-пречёрного кота, а также какого цвета у них будут глаза.

С окончанием школы и с течением лет круг обсуждаемых в телефонных беседах проблем несколько сузился и обеднел. Из тематики исчезли вопросы свободных радикалов, термодинамики и самоиндукции, альдегидов и карбоновых кислот, а заодно и симбиоза в эволюции – в них героиня за длительным отсутствием практики сделалась не столь искушённой, а проще говоря, абсолютно некомпетентной. По окончании школы Шурочка выбрала для себя гуманитарную специализацию. Потому и темы из истории, философии, эстетики, логики, литературы и языкознания остались с нею. Равно как и переводы с/на пару языков.

Так что свою «гуманитарную миссию» Шурочка по привычке с удовольствием выполняла.

И спроси её кто-нибудь по аналогии среди ночи, как звали лошадь Вронского, она немедленно готова была ответить: «Фру-Фру», а в придачу ещё помнила она Калигулова Инцитата,

не говоря уж о Дон-Кихотовом Росинанте. И для порядка зачем-то хранила в мозгах имя осла Серого – собственности Санчо Пансы.

Как писал Лев Николаевич Толстой, «Копаясь в своей душе, мы часто выкапываем такое, что там лежало бы незаметно». В данном случае – в памяти, которая способна сохранять совершенно невообразимые вещи. «Бумажное озеро», – называла это Шурочка, тихо радуясь, что озерко её бездонно и небурливо.

В студенческие годы во время сессий Шурочка становилась самой популярной личностью среди однокурсников – у неё были все конспекты всех лекций, и ей постоянно задавали разные вопросы и ждали ответа на них.

– Рашель приезжает к Васе, – делилась она накануне экзамена содержанием горьковской пьесы с однокурсницами, потому что была единственной в группе, кто произведение удосужился прочитать.

– К какому Васе? – глядя вдаль, в туман, за окно, на еле различимые шпили Старой Риги и думая о чём-то своём, растерянно и меланхолично спрашивала рассеянная Анита.

– К Васе Железновой, – терпеливо поясняла Шурочка.

Друзья привыкли к тому, что её можно спрашивать о чём угодно в любое время дня и ночи. Они были уверены, что Шурочка всегда поможет, если уж не ответом, то советом: где поискать или у кого поинтересоваться.

Когда девочки немного повзрослели, получили дипломы и у них появились свои девочки и мальчики, родительницы по привычке продолжали пользоваться Шурочкиной головой.

И частенько под косые взгляды пассажиров маршрутки она хорошо поставленным учительским голосом диктовала по телефону порядок постановки запятых, а также правила – с точными и чёткими формулировками.

И уроки она тоже со своими бывшими, теперь взрослыми, одноклассницами уже для их детей делала. Процесс был длительным и интересным, перемежался комментариями и воспоминаниями.

– Вот скажи мне, кто это придумал? – в отчаянии спрашивала её подруга.

– А что случилось? – не отнимая трубки от уха, вставала в стойку Шурочка.

– Эссе у нас случилось, вопросы прилагаются, – горестно вздыхала Марина и зачитывала. – «Какую роль в вашей жизни играет философия?» Девочке шестнадцать лет! Какая философия?

– Да уж! – соглашалась Шурочка.

– Конечно, не алё, – причитала и сокрушалась мамаша.

– Напишем! – успокаивала её Шурочка.

Однако при этом в её памяти всплывал старый потрёпанный толстый учебник по истории философии с большой дыркой на форзаце – настольная книга её собственного пятнадцатилетия. На каникулах летом в деревне, взяв этот в буквальном смысле «зачитанный до дыр» фолиант, она отправлялась загорать на речку. Но воспоминаниями о своих подростковых попытках осмысления миропорядка и того, возникающего и исчезающего бумажного озера рифм и нимф, она предпочитала не делиться... Хотя когда-то сложилась у неё почти целая книга, названная невзначай «Бумажным озером». *где всплеск вёсел и блеск блесны у хмурого рыбака отвлекал от чтения, глаза смежались и открывались на облачную стаю. Слышалось: «в озере – волнение, гомон птиц... старинный челн томится меж страниц...» К страницам фолианта на мгновение прикасались речные стрекозы, ветерок тоже порхал и, играя со страницами и с шуришащим камышом, приносил слова – «шуришат ли камыши черновика? в прибрежной зелени, где удочка таится, жеманных рифм усталые ресницы лениво сомкнуты, и в ряске облака...» Далее слова пропадали, но очевидность реки подбадривала, манила испугаться не в каком-то там бумажном озере, а в ласкающей теплом и пряным запахом плотной речной воде, и влажные пальцы оставляли следы на старых страницах...*

– Скажи, что она помогает каждому определить своё место в мире, – советовала Шурочка подруге, отбросив воспоминания.

– Та-а-ак, подожди, – повторяла та, записывая текст, – помогает определить... что?

В конечном итоге совместными усилиями задание из двадцати вопросов выполнялось.

– Как я тебя люблю! – говорила ей подруга.

– Я тебя тоже люблю! – радовалась в ответ Шурочка.

Надо заметить, что она охотно делала все задания. Почему не помочь друзьям? Особенно, если это нетрудно. И повод пообщаться с хорошими людьми, и сделать доброе дело, и окупиться в прошлое.

Дети, как это водится, частенько к заданиям относились легкомысленно.

И Шурочка не удивлялась тому, что часов в одиннадцать вечера Маринина Юленька или Надин Никитка вдруг вспоминали, что у них завтра урок литературы и надо сдать сочинение.

Воскликнув «Какая неожиданность!», Марина и Надя понимали, что их спасение в данной ситуации – Шурочка. Конечно, они интересовались, а не составило бы ей труда быстро написать от силы странички четыре по «Войне и миру», больше и не надо, тут не до жиру – лишь бы сдать. Вот забыл ребёнок и вспомнил только сейчас, когда постелил постель и надо ложиться спать! А мама невзначай возьми и поинтересуйся, сделаны ли все задания. А Юленька – ах! – и вспомнила. И Никитка очень устал на тренировке, к тому же у него скоро соревнования, да не где-нибудь, а в Норвегии.

Шурочка с пониманием относилась к детской забывчивости, вспоминала, как шестнадцать лет назад вязала Юленьке розовые мягонькие пинеточки с пушистыми помпончиками или тёпленькую непродуваемую шапочку-шлем крепышу Никитке, и обещала к утру опус накропать – совсем как Василиса Премудрая из сказки – «к завтраму».

«Пустяки! Дело житейское», – цитировала себе Карлсона альтруистично настроенная Шурочка, включала на кухне, чтобы не мешать домашним, настольную лампу, обкладывалась книгами и принималась за работу.

И подчас даже и не «к завтраму», а часа через два сочинение, готовенькое и толковенькое, выдавалось на-гора – чтобы дитя успело к четвёртому уроку его переписать. В том, что сочинение не переписывалось, например, непосредственно самой мамой Надей, Шурочка не была уверена. Да и какая разница? От неё требовался только текст.

Так что внеплановый Маринин телефонный звонок с красочным изложением обычной проблемы не удивил её.

Шурочка уже знала, подсознательно угадала по времени, когда звонок прозвучал, что сейчас включится извечная красная кнопка «гуманитарной миссии».

– Выручай! – с обречёнными нотками в голосе взывала подруга детства.

– Что у вас? – поинтересовалась готовая к бескорыстному подвигу Шурочка.

– Всё то же самое, – стонала в ночи Марина, – это не ребёнок, а сплошные проблемы!

– Хороший ребёнок! – как могла, успокаивала подругу Шурочка.

– Ага! – то ли рыдала, то ли истерично смеялась в трубку Марина. – Четверть кончается. У неё двойка по литературе! А ей – хоть бы хны!

Шурочка прекрасно помнила прелестного толстощёкого карапуза, увлечённо и сосредоточенно складывавшего домик из больших разноцветных пластмассовых кубиков на ковре в гостиной, пока мамы о чём-то болтали.

– Почему двойка? Хороший предмет! – спросила Шурочка, не понимая, как можно умудриться получить двойку по литературе.

– «Обломова» не прочитала, сочинение не сдала, да ещё и стихи не выучила, – перечисляла бедная мамаша. – А училка, прости, у них очень вредная.

– Плохо! – искренне огорчилась училка Шурочка.

– Напиши, а? Это только ты можешь! – как энное количество лет назад, попросила Марина. – Больше никому. Я бы, конечно, и сама попыталась, но ничего не помню! А ей на всё плевать! Чем только голова забита?

– Да ладно, не волнуйся, накатаю я ей сочинение. Пусть стихи выучит и расскажет! Так проще двойки исправить. И содержание, хоть в кратком изложении, пусть в Интернете прочитает, – принялась утешать подругу Шурочка.

– Посадила! Уже учит! – сообщила Марина.

– Проверь! – посоветовала Шурочка.

– Я ей говорю: «Тебе через год поступать! Куда ты после школы пойдёшь? Аттестат нужен! С нормальными оценками».

– Нужен, – согласилась Шурочка с доводами подруги.

Про Юленьку она знала всё, вот только не видела её давно.

В последний раз несколько лет назад она встретила Мариного дитя совершенно случайно, когда стояла на трамвайной остановке возле родной школы, где Маринин ребёнок, как когда-то её мама с подружками, учился.

Из школы выскочила стайка весело галдевших младшекласниц и побежала к трамваю. Последней как-то неуклюже неслась девочка в небрежно надвинутом на голову сиреневом берете с торчавшей из-под него толстой-претолстой светло-русой косой, увенчанной фиолетовой резинкой на крупно вьющемся кончике. За собой в одной руке она чуть ли не по земле волочила сиреневый, такого же цвета, что и берет, ранец, а в другой руке держала обруч, который сильно мешал ей двигаться.

Тем не менее девочка успевала за всеми. Но бежать ей было неловко, и она, не очень-то глядя по сторонам, могла запросто со всего маху двинуть этим обручем как раз по стоявшей на остановке тётеньке. Однако в спешке девочка ничего не видела. Шурочка быстро посторонилась, отступив на шаг назад, чем и спаслась от попадания обручем, скорее всего, по лицу.

Девочка даже не заметила неслучившегося казуса, догнала однокласниц, они впрыгнули в подъехавший трамвай, а Шурочка празднично посмотрела им вслед.

Она увидела девочкин профиль, девочкины щёки и вдруг ахнула про себя. Ни у кого в мире не могло быть таких щёк! Больших, пухлых и розовых. Того клубничного оттенка, которым отливали Маринкины чуть шероховатые щёки с несколькими мелкими родинками, памятными Шурочке с детства. Она их видела, когда подружки в детстве вместе катались с горки на санках, бегали кроссы на школьном стадионе и танцевали на дискотеках. Всегда у Маринки были такие горевшие ярким огнём, похожие на мягкие и свежие сдобные булки, щёки. И ни у кого другого в мире их быть не могло. Разве что у её дочери. И толстые косы тоже были Маринкиными, и ничьими другими быть не могли.

Все эти реминисценции, а заодно и осознание факта промелькнули в Шурочкиной голове мгновенно. И она забыла, что чудом убереглась от удара, отступив с тротуара на газон. И ещё она поняла, что в один миг простила бы девочке это своё нечаянное столкновение с хулахупом. Потому что знала, как это могло бы произойти с её порывистой в движениях подругой в детстве, в юности, да, наверное, и теперь. Потому что это была Маринка, её лучшая подруга, о которой она знала всё, ну или почти всё.

– И вдобавок ко всему она влюбилась, – продолжала жаловаться Марина.

– Ну, конечно, шестнадцать лет, – принялась оправдывать и защищать дитя Шурочка, – ты себя вспомни! Мишу, например.

– Какой Миша! – возмутилась Марина. – Какой Миша! Проплыли и забыли! Детство! Я, в отличие от кое-кого, училась хорошо! И уроки каждый день делала! А теперь у нас дома конфеты и букеты! Букеты и конфеты!

– То есть? – уточнила Шурочка.

– Мальчик ей постоянно таскает то цветы, то конфеты. Миша, кстати, – пожаловалась и одновременно засмеялась Марина.

Шурочка даже представила, как подруга жестикулирует, указывая на коробки с конфетами и вазы с цветами.

– Ну и радуйся, – посоветовала Шурочка.

– Чему? – возмущённо сказала Марина. – А какой у неё аттестат будет?

– Бедная, а что за тема? – посочувствовав подруге, перешла к делу и конкретике Шурочка.

– Гончаров. «Обломов», – коротко и угрюмо, но успокаиваясь, ответила Марина.

– Когда? – совсем по-деловому поинтересовалась Шурочка.

– В пятницу. Ну, если сможешь, то пораньше. Чтобы она переписала не в последний момент. В крайнем случае, я перепишу – чтобы совсем уж без ошибок, а то наставит, а я проверить не успею.

– Сделаю, – пообещала Шурочка и взглянула на часы в предощущении бессонной ночи. Ей очень хотелось помочь и подруге, и девочке.

Конечно, до сочинений ли той?

За работу Шурочка взялась сразу, как только положила трубку.

Она достала из шкафа толстую тёмно-зелёную книгу – одну из своих любимых.

Гончарова Шурочка любила всей душой и время от времени перечитывала. Так же, как и Гоголя, так же, как и Чехова, как и Тургенева, как и всех Толстых. И это не говоря о Серебряном веке, который Шурочка имела обыкновение в качестве иллюстрации к сказанному цитировать.

Она привычно закрылась на кухне, села за стол, пролистала фолиант, обновила и освежила знания, включила ноутбук, заглянула в Интернет, где пробежала критические статьи. После чего взяла стопку чистых листов бумаги и быстро и вдохновенно от руки написала сочинение об Илье Ильиче Обломове, Ольге Ильинской, Андрее Штольце, о неизбывной русской лени и непроходимой инертности, об их причинах, корнях, природе, проявлениях и последствиях. С цитатами и учётом критических отзывов.

По ходу работы она сдерживала в себе взрослого человека и старалась писать с девичьими интонациями, юношеским максимализмом, с позиций типичного старшекласника.

В результате за пару часов она «изобразила» грамотное, правильное, да к тому же ещё и очень натурально стилизованное сочинение на нескольких листах.

Текст она добросовестно перепечатала, отправила подруге на электронную почту и для верности написала эсмэску о том, что дело сделано.

– Ты чудо! – тотчас перезвонила ей Марина.

– Да что там, – засмушалась Шурочка, – трудно, что ли?

И стала жить дальше своей жизнью.

Через неделю пришёл результат.

– Всё! Ура! Спасибо! – заверещала довольная Марина в трубку. – Отлично! Лучшее сочинение в классе! Как всегда! Я тобой горжусь!

– «Вот и славно. Трам-пам-пам!» – процитировала в ответ хорошую песенку Шурочка и принялась слушать монолог о том, как трудно быть занудной, вечно брюзжащей матерью глупенькой хорошенькой влюблённой девочки.

Взрослые девочки ещё поболтали о своём, похихикали и остались очень довольны.

Каково же было удивление Шурочки, когда через несколько недель ей позвонила Марина и трагически спросила:

– Ты чего там понаписала, а?

– А что я там понаписала, – испугалась Шурочка, поняв, что речь идёт о сочинении.

– Нам же надо было хоть что-нибудь! Только оценку исправить! А ты прям, как всегда: «Нет, я не Байрон, я другой»!

– А что не так? – не могла войти в суть дела и поймать ухнувшую куда-то в пятки душу Шурочка.

– Сочинение оказалось лучшим в классе, потом его отправили на школьный конкурс, оно и там победило. Ты слушаешь? – нагнетала атмосферу Марина. – Дальше – больше! И хуже! Как снежный ком! Его отправили на районную олимпиаду. Оно опять первое место получило. А какое же ещё место оно могло получить? И на городской тоже. Разве что лавровый веночек на голову не надели! А теперь Юльке надо ехать на республиканскую олимпиаду и писать что-то там, а потом перед специальной комиссией защищать содеянное – вот, как у нас в универе дипломную. Помнишь? А она – ни в зуб ногой! Вообще, сочинения писать не умеет. Да и книга этого твоего любимого – как его? – толстенная и скучная, как её ребенку осилить?

– Ого! – вырвалось у Шурочки, не ожидавшей такого фурора от своих ночных бдений.

– Что «ого»? И что прикажешь делать? Кто туда поедет? Тебя вместе с ней отправляют? Ты слишком большая – в сумочку не влезешь.

В Шурочкином сознании мгновенно вспыхнула невообразимая в этой жизни картинка: выпрыгнув из девчонкиной сумки-мешка, сойти за безумную, представ перед олимпиадной комиссией, и патетично прочесть своё «Бумажное озеро». Картинка исчезла вместе со строчкой: «Чудак ли удочку закинет с челнока?..»

– Не волнуйся, с сумочками туда не пускают, – уточнила вернувшаяся в реальность Шурочка.

«Надо было сбавить обороты, – принялась корить она себя. – И зачем я Писарева с Дружининым цитировала? Да ещё Ахшарумова!»

– Ладно, – сообразила Марина, быстро найдя выход, – позвоню Ленке, – пусть она справку об ОРЗ напишет.

С Леной, которая выросла и стала педиатром, они тоже дружили с детства, учились в одном классе, вместе выросли и любили её точно так же – просто потому, что это была Ленка, которая на фотографии в третьем классе получилась, как настоящая фотомодель, – со своими двумя хвостами, как у принцессы из «Бременских музыкантов».

Так что самую главную государственную олимпиаду Юленька пропустила и разоблачения благополучно избежала.

Но впредь сочинения детям подруг Шурочка, сдерживая свою литературную прыть, писала очень осторожно и аккуратно – «под таинственного современного ребенка», не особо «вумничая», и брала на полтона ниже. *И всё чаще немота бумажного озера являлась воочию, заменяла привычную картинку за окнами – и дома, и трамвая, и автомобиля. Снова наплывало словесное марево – «в каком молчанье тают берега... от камышей, от желтизны кувшинок вглубь озера, где ясен блеск зрачка, где Око-Озеро в предвестье невидимок» – о, надо бы записать, – но звонил телефон – и ещё до чужого голоса прозвучало своё, которое тут же забудется, оставляя щемящее чувство потери, (ведь не крикнуть же Ленке или Марине, чтоб не получить вразумительное: «Тебя, что, в голову ранили?») – «не смеет не смотреться в облака... как яростно стремленье челнока в глубь озера, туда, на середину, где говор волн и трепет ветерка...» Отодвинув телефон и сжав голову руками, выдавила, но не то, что навсегда ушло из памяти: «последняя страница – далека... там не конец – начало горизонта – в закатных бликах трепет мотылька...»*

Нормальная профессия

Если моешь чашку – мой чашку.

Китайская пословица

Студент-медик Игорь Петров ехал после лекций в институте на практику в больницу.

Троллейбус медленно полз по улицам, засыпанным неожиданно обрушившимся на город снегопадом, зависал на всех светофорах и бесконечно тормозил в грязном бело-коричневом месиве на нерасчищенной дороге.

«Опоздаю!» – обречённо и немного панически думал Игорь.

Задержки в пути руководителем его практики не приветствовались, причём не приветствовались категорически.

– Вы, молодой человек, будущий врач, – говаривал Александр Петрович, мягко и укоризненно глядя Игорю в глаза поверх опущенных на кончик носа очков, контрастно и строго поблёскивавших стёклами в серьёзной чёрной оправе. – Запомните: больные ждать не могут! Вы должны быть на рабочем месте точно в срок, а лучше – заблаговременно! Постарайтесь усвоить это элементарное правило! Сие есть профессиональная, батенька, этика!

«Батенька» выслушивал поучительную весьма вежливо высказанную сентенцию, клял себя за нерадивость, необязательность и безалаберность и обещал – вслух Александру Петровичу и про себя себе лично – никогда и ни при каких обстоятельствах больше не опаздывать.

По понедельникам и средам он правило неукоснительно соблюдал – не опаздывал.

А по пятницам после четвёртой пары добираться через весь город до больницы никак не успевал вовремя.

Обычно он прибежал впритык – минуты за три до начала и едва успевал вытащить из сумки белый халат, прежде чем предстать пред светлые, но слегка опечаленные очи Александра Петровича.

Иначе в злополучную пятницу даже при наличии проворных длинных ног и стремления успеть любой ценой у него не получалось.

И оправдательные объяснения всякий раз вызывали очередную интеллигентскую, но взволнованную нотацию заведующего отделением.

К тому же после четвёртой пары Игорю очень хотелось есть. И он по пути заскакивал перекусить на автозаправку, потому что она была рядом с автобусной остановкой. Там он быстро проглатывал гамбургер, запивал его горячим кофе и во всю прыть мчался на автобус. Часть пути студент преодолевал на нём, потом, пробежав несколько кварталов по центру до нужной остановки, пересаживался на троллейбус.

Так что путь его был долог, многотруден и насыщен разными событиями.

Впрочем, Игорь всё рассчитывал до мелочей и в большинстве случаев прибывал в больницу в положенное время.

Сегодняшняя пятница оказалась экстремальной.

Снегопад с раннего утра парализовал движение транспорта. И уже на заключительном этапе маршрута, сидя в троллейбусе, Игорь предчувствовал и понимал, что вскоре увидит неодобрительный взгляд из-под оправы «руководящих» очков. Он даже заранее представлял и слышал тяжеловато-урезонивающий вздох: «Эх, голубчик! Ну как же вы так, коллега?» Александр Петрович позволял себе разнообразить дефиниции, и Игорю всякий раз было интересно, кем же он окажется теперь – батенькой, голубчиком, коллегой или просто молодым человеком.

Стараясь отделаться от неприятных размышлений и мысленно подгоняя троллейбус, студент смотрел в окно. «Моешь чашку – мой чашку!» – успокаивал он себя, не позволяя волнению

захватить воображение целиком. – Я еду и скоро буду. Ну, может, немножко опоздаю. Но ведь приеду же!»

Заснеженные деревья создавали иллюзию сказки наяву. Нежившиеся под тяжёлыми пушистыми белыми шапками ветки казались уютными, живописными и словно просили кисти художника-пейзажиста.

– Следующая остановка – «Школа», – объявил механический правильный голос.

Двери с металлическим лязгом открылись, и студент посмотрел на родную школу.

Ещё в прошлую субботу он был здесь на вечере-встрече выпускников, где виделся с одноклассниками и где состоялось некое подведение итогов.

А в кабинете классной руководительницы студента-медика Игоря Петрова ждали потрясение и «разочарование».

В подсобке кабинета биологии стоял скелет, считавшийся в ученическом сообществе своеобразной изюминкой среди прочих учебных пособий.

Повзрослевшие девочки и мальчики принялись вспоминать, как в четвёртом классе весть об этом чудовище взбудоражила их головы.

И самые отчаянные смельчаки с любопытством заглядывали в приотворявшуюся дверь. Уже потом у них считалось подвигом открыть её самостоятельно и посмотреть внутрь. А забежать и постоять перед монстром, казалось особым шиком, лихачеством и гусарством. Лавры храбреца и героя были обеспечены удальцу надолго. Со временем в разряд особых отличий зачислили прикосновение к страшилищу.

Потом, когда в средних классах Лидия Васильевна стала их классным руководителем, скелет стали воспринимать как «свой», «домашний» и даже какой-то родной. К нему привыкли, но посматривали с опаской. Хотя все уже знали, что скелет ненастоящий, что это просто учебное пособие, к тому же пластмассовое.

В старших классах его «проходили» и внимательно изучали. И тут уже совсем по-новому стали к нему относиться. Как к глобусу, например. Вот череп, вот малая берцовая кость, вот большая, вот плюсна, вот предплюсна.

Игорь вспомнил, что в мединституте студенты ласково и запанибратски называли такого собрата Стасиком, наряжали по праздникам в белый халат и шапочку, надевали на «лицо» одноразовую медицинскую маску, вешали на плечо стетоскоп, а на шею – отпечатанный и заламинированный бейджик с именем и фотографией, снимались в обнимку, бережно и по-дружески придерживая за рёбра.

В эту субботу в родной школе Игорь, сидя в кабинете биологии и болтая с одноклассниками и классной руководительницей, присмотрелся к школьному «Стасику» и ахнул:

– Лидия Васильевна! Скелет-то неправильный! Чему вы нас учили!

Озарение из серии «А король-то голый!» удивило и шокировало его.

– Не придирайся, Игорёк, – ответила ему биологиня. – Какой есть, по такому и учила! Что ты там нашёл?

– Мандибула у него неправильная, – принялся заинтересованно разглядывать студент-медик ямочки на нижней челюсти черепа под хохот, комментарии «понимает!» и странные взгляды бывших одноклассников.

– И крепления костей какие-то топорные – под строго прямыми углами, а они не такие – скошенные.

Игоря уважительно и весело осмеяли, посоветовали не выпендриваться и в подробности не вдаваться.

А тот уверился в правильности выбранного пути, хотя сомнения в этом давно студента преследовали.

Двери троллейбуса закрылись, а внутренний монолог плавным потоком последовал по привычному руслу.

«Куда я еду? – спрашивал себя Игорь. – Зачем мне это нужно? Не хочу я там работать!»

С первого курса мысли о правильности выбора будущей профессии не давали ему покоя, преимущественно после занятий в анатомичке. Особенно когда кто-то из однокурсников, громко и решительно провозгласив: «Всё! Надоели трупы и расчленёнка!», выбывал из рядов, забирал документы и уходил из института.

Слова «Это не моё!» стали всем понятным и неоспоримым аргументом.

Первой из группы сбежала красавица Беата.

– Пойдём в анатомичку, мне одной страшно, – предложила она как-то Игорю на первом курсе.

– Пойдём, – согласился тот и обрадовался, что нашлась компания, – ему тоже надо было отработать одну тему.

Молодые люди взяли ключ, подошли к двери, открыли её и ступили внутрь. Они уже бывали на таких занятиях – в составе большой учебной группы и с преподавателем. То есть определённый опыт у них имелся, и они были готовы ко многому.

Но сейчас после лекций в сгущавшихся за окном декабрьских сумерках даже при включенном ярком свете парочка «учебных пособий», одного – лежащего на столе и другого – со спущенной кожей и подвешенного на крюке – в безмерном благоухании формалина – доконала обоих. Ошарашенные новизной впечатлений студенты постояли, безмолвно глядя на объекты изучения. Игорь тихонько и осторожно взял за руку вставшую было в ступор и ставшую белой, как кафельная плитка на стене, Беату. Заниматься обоим расхотелось. Но они преодолели себя – впереди был зачёт, да и в анатомичку они ехали специально, тратили драгоценное время. Студенты быстренько поупражнялись с изучаемыми органами и в прострации безмолвно покинули помещение, с удовольствием закрыв его на ключ.

Потом такие занятия стали «нормой жизни». К учебным пособиям попривыкли, как следует познакомились и узнали о них много нового, полезного и «интересного». Так, на проверку один из «препаратов» оказался старым, выдавшим виды, прошедшим через многие руки, одряхлевшим и несколько потрёпанным. Студенты пообвыклись, научились циничным шуточкам и даже были растроганы тем, что разорванные сухожилия в «препарате» были аккуратно подвязаны красными ниточками. Вскоре в группе стало традицией «взять» труп на двоих-троих и пойти с ним позаниматься.

Аппетит однокурсники, конечно, как положено, теряли на недели, особенно при изучении определённых тем, например, при близком и детальном знакомстве с органами пищеварительной системы.

Но в конце первого семестра, зачем-то сдав ненужную ей сессию, Беата с лозунгом «Это не моё!» ушла в журналистику. В конце года, не дотянув до сессии, ушёл Паша на юрфак, потом Дима – на химфак, вслед за ним Кристина – на иняз.

Игорь пока держался.

«Решил – значит, решил! – подбадривал он себя в минуты сомнений. – Все учатся, все через это проходят. В судмедэксперты и патологоанатомы я не пойду. Учусь и учусь. И передумывать не стану. Диплом получу – там видно будет».

Незаметно пришло время практик в больницах, и Игоря направили в психиатрическую лечебницу.

Теоретическая подготовка резко отличалась от того, что ему пришлось увидеть наяву. Но он мужественно и терпеливо тянул свою лямку под руководством чуткого и требовательного Александра Петровича. Привыкал и пока ничего менять не собирался. Хотя лейтмотив «Моё-не моё» иногда червячком буравил его мозг.

Троллейбус медленно и натужно доскрипел, доехал, добрался-таки до нужной остановки. Игорь взглянул на часы, увидел, что опоздал уже на четыре минуты, и как ошпаренный выскочил наружу – в снежную кашу на асфальте.

Ему надо было пробежать основательный кусок вперёд до пешеходного перехода, перейти дорогу и нестись в обратном направлении к проходной больницы вдоль бетонного высокого забора. Траектория движения напоминала длинный крутой и бесполезный зигзаг.

Игорь решил не выписывать никчёмные и ненужные кренделя и сократить путь. Он внимательно посмотрел налево и направо, как учили в детстве.

Машины стояли в пробке в обоих направлениях, иногда медленно трогались и проезжали по несколько метров.

Игорь решил и, осторожно лавируя между ними, благополучно перебежал через обе полосы. До больницы оставалось совсем недалеко.

– И куда мы так спешим? – неожиданно раздалось у него за спиной.

Студент оглянулся и увидел запорошенного снегом полицейского в синем комбинезоне с ядовито-жёлтыми вставками и светоотражающими широкими полосками.

Голос постового был негромким и будничным, а вопрос – коротким и простым.

Задавая его, человек слегка постукивал полосатым жезлом по чёрной кожаной перчатке – где-то между большим и указательным пальцами.

Игорь, переводя дыхание и глядя в глаза интересовавшемуся, широко, открыто улыбнулся и громко, честно и даже весело выпалил:

– В психушку!

Лицо полицейского сразу изменилось, окаменело, став нейтральным и отстранённым.

Он перестал приударять бело-чёрным жезлом по ладони и тихо без выражения сказал:

– Ну иди.

После чего повернулся и с явно заметной опаской пошёл прочь от Игоря. Постовой двигался вдоль дороги, незаметно прибавляя скорость и озабоченно вглядываясь в лица водителей встречных машин.

«Неадекватность в пределах нормы», – почему-то подумалось Игорю.

Он про себя рассмеялся и, делая большие прыжки, побежал через трамвайные рельсы и дальше по улице вдоль забора к заветной проходной. Отдуваясь от летящих снежинок, попадавших в рот и глаза, он представлял себе укоризненное лицо Александра Петровича и заранее слышал вкрадчивые, слегка журиющие нотки в голосе: «Юноша-а-а». У студента был шанс опоздать всего на незначительное количество минут.

«Нормальная профессия!» – подбадривал он сам себя.

А снег валил уже огромными тяжёлыми хлопьями.

Бегство от монитора

*Разве виноваты мы, что родились в России? И требуется нам иногда самая малость, чтобы не потерять почву под ногами, ощущение родины, мира – тихая речка, лесное маленькое озеро и немудрёная снасть.
Кинофильм «Особенности национальной рыбалки»*

Чем хорош отпуск, и чем хороша рыбалка?

В России. Во второй половине прекрасного августовского дня, например? Когда всё в природе тихо, неспешно, умиротворённо, слегка мягко-серо, когда не жарко и едва накрапывает дождь.

Кого-то тянет к водоёму азарт, у кого-то чисто гастрономические интересы, кто-то одержим древним инстинктом добытчика, для кого-то это попытка составить компанию.

Таню привлекает антураж. И ничего более.

Ну, ещё возможность побыть на свежем воздухе, отрешиться от всех проблем, отвлечься, отдохнуть, полениться и ничего не делать – в отпуске в деревне. Главное – вдали от монитора, от которого она устала за год работы.

Вот нравится ей просто сидеть у реки в зарослях ивняка, пусть и под дождём, и смотреть на воду, на небо, на облака, на деревья, да хоть и на поплавок – ладно уж, только бы не на экран с буквами – и впитывать в себя мир – воздух, свет, тишину, чуть слышные звуки, запахи.

Воздух здесь особенный.

Вроде бы обычный и привычный для местных жителей. И никто никогда над его составом не задумывался.

А сосед Семён Петрович, который обычно рыбачит неподалёку – на следующем небольшом прибрежном пятачке у заросшей вёглами речушки, сказал недавно Тане и её мужу:

– Воздух у вас здесь какой! Вкусный! Пить его хочется!

И чета, подумав, согласилась с сентенцией приехавшего погостить Семёна Петровича. Преподложил Семён Петрович, надо сказать, из Подмосковья, где он тоже регулярно ловит рыбу и дышит свежим воздухом на природе, в лесах и на разных водоёмах.

И Таня с мужем – совсем не местные жители, они тоже приехали, причём издалека. Но сосед считает их аборигенами, по крайней мере, потому что ездят они сюда, в Танину родовую вотчину, ежегодно.

«И что же такого в этом воздухе? – думает Таня, глядя на водную едва заметную рябь. – Чем он таким отличается? Смесь трав? Вода? Чернозём? Коктейль какой-то особый получается. Что-то такое неповторимое в этом есть».

– Сейчас ливанёт! – прерывает её неторопливые размышления муж.

– Ага, – откликается Таня и смотрит на небо.

С севера надвигается тёмная по краям, местами чуть синеватая, с белыми нехорошими тяжёлыми клубами, насупленная, серьёзная туча.

– Ой, какая! – говорит Таня и, задрвав голову кверху, начинает разглядывать чудовище.

– А может, и пронесёт, – раздумывает она вслух, – с той стороны не наш дождь.

Все местные приметы они знают – дождь сюда приходит, как правило, с запада. Как потемнеет небо за дальними посадками, застучат по рельсам где-то за горизонтом колёса обычно неслышного поезда – дождь пойдёт неминуемо.

А сейчас дождь им не страшен.

Он и так потихоньку иногда начинает капать сквозь ветки, а иногда и прекращает.

К тому же у Тани есть зонт, который она время от времени, в зависимости от интенсивности осадков, открывает. И сидит на раскладном стуле с удочкой в одной руке и с зонтиком

в другой. А рыбу муж ловит. Таня только иногда посматривает на бело-алый длинный поплавок. И, когда у неё клюёт и поплавок уходит под воду, она удочку мужу аккуратно передаёт – рыбу снять, червяка насадить, забросить. И ему, одетому в дождевик, тоже дождь не страшен.

– Может, домой пойдём? – для проформы спрашивает Таня, созерцая запрыгавшие капли на воде.

– Нет, – слышит она в ответ, – ты иди, если хочешь.

Отрываться от любимого занятия рыбаку не хочется. Караси клюют на обе удочки, и садок уверенно наполняется.

И Тане тоже хорошо, и она готова переждать дождь, который обязательно когда-нибудь закончится – не вечно же ему идти.

– Смотри, – вдруг восклицает Таня, – бабочка!

Напротив, над камышом у противоположного берега, быстро перебирая крыльями – желтоватыми с тёмным ободком, с несколькими нежно-голубыми и одним красным пятнышками, летит большая красивая бабочка.

– Махаон, – говорит муж.

И пара провожает её полёт взглядами.

– Нет, не будет дождя, – понимает и говорит Таня. – Бабочка лучше знает. У неё природное чутьё. Что она, дурочка, что ли, – под дождём летать?

– Ну как, много наловили? – неожиданно раздаётся голос сзади – с тропинки из-за кустов.

Пара оборачивается на зычные ноты.

К ним на очищенный от камышей пяточок в зарослях ивняка заглядывает дядя Миша, обычно рыбачащий по соседству.

– Нормально, – отвечает Танин муж.

– А где этот? – дядя Миша по-свойски кивает головой направо.

Там на собственноручно сооружённых из старых досок мостках обычно рыбачит упоминавшийся ранее Семён Петрович.

– Не знаем, – отвечает Таня – соседа они сегодня не видели, да и не слышали.

В своём сложившемся за месяц речном сообществе о присутствии друг друга они могут только догадываться – преимущественно по звукам. Места здесь негласно распределены, и у каждого свой «кармашек» на берегу.

– Эй! Петрович! – громко окликает окрестности дядя Миша.

Ответа нет.

– Дома сидит, – догадывается дядя Миша и продолжает, – а то вчера был утоп!

– Как? – пугается Таня.

– Уто-о-о-оп, – повторяет дядя Миша и резко взмахивает рукой.

От его категоричного жеста и интонации, хлёстко и чётко передающей свершившееся действие, Таня с мужем пугаются ещё больше.

– Да я его вытащил, – как ни в чём не бывало продолжает рассказчик.

Слушатели выдыхают – жив Семён Петрович. Ничего страшного не случилось. Это просто стиль такой у дяди Миши.

А тот начинает повествование:

– Сижу. Слышу – кричит: «Мишка! Помоги!» Я – к нему! Смотрю – только очки из тины торчат! Ах ты! Я – туда-сюда... Вытащил!

– Как же он так? – ахает Таня.

– Крючок зацепился – а он – вытаскивать! Улез да завяз! – поясняет дядя Миша. – В тине.

Хорошо – я рядом. А то был совсем затянуло.

– Так тут же мелко, – говорит Танин муж.

– Пьяный, – объясняет дядя Миша и замолкает.

– И что? – спрашивает Таня.

– Ну что? – дядя Миша немногословен. – Собрал манатки и домой пошёл.

Он делает паузу и смотрит, как Танин муж вытаскивает удочку, снимает с крючка пойманного карася и опускает его в садок.

– А у меня сеть украли. Поставил – прихожу – нету! – делится он новой бедой.

– А ты в рыбнадзор пожалуйся! – советует Танин муж.

– Ага, – тянет дядя Миша и, не найдя должного сочувствия, уходит – то ли искать сеть, то ли новое место.

Тут начинается сильный дождь из подтянувшейся с северной стороны тучи – приметы не срабатывают. Крупные тяжёлые капли так и частят по воде.

– Какая-то неправильная бабочка была, – говорит Таня, – ничего в погоде не понимает.

– И что её туда понесло? – откликается муж.

– Там и укрыться негде, – волнуется Таня. – Может, до деревьев хоть успела долететь?

А рыбакам дождь не страшен. На них не капает – у них есть зонт, плащ и кроны вётел над головой. К тому же клёв продолжается.

– Да чтоб тебя! – раздаётся откуда-то слева – издалека.

Это рыбачащий чуть дальше ещё один сосед Виталик.

– Ты чаво? – трубно кричит ему из соседней рыболовной ячейки любопытный дядя Миша.

Но голос на вопрос не отвечает и продолжает непотребно ругаться:

– Сорвался, гад! Леску порвал!

И долго ещё берега оглашаются громкой бранью и непечатными угрозами незадачливого рыболова. Самым невинным звучит посул сбегать домой, принести ведро солярки и вылить в реку – назло ушедшему, как выясняется, карпу.

Караси, между тем, исправно клюют, дождь то стихает, то усиливается, мир прекрасен, и воздух упоителен. На какой-то момент даже проглядывает солнце, небо становится совершенно чистым, безоблачно-прозрачным и ласково-голубым. Воспоминания о дожде рассеиваются. День кажется светлым и приветливым.

Над вёслами появляется прилетевшая с дальнего пруда сизовато-голубоватая цапля, в какой-то момент она перестаёт махать большими крыльями, широко раскидывает их и плавно парит высоко над рекой и деревьями. Затем она снижается, заходит на посадку и устраивается на верхушке одной из дальних вётел. Вскоре оттуда раздаётся её протяжное и резкое противное «ка-га».

По реке проплывает стая бело-серых гусей. Одни, старшие, озабоченно гогочут, отдавая приказы, другие, подросший выводок, молча выстраиваются в ряд, выполняя команды. Так и чувствуется, что родители предупреждают детей об опасности и советуют быть осторожными с сидящими на берегу рыбаками, которые, однако, ничего плохого делать не собираются и празднично провожают гусиное семейство взглядами.

«Интересно, – глядя им вслед, размышляет Таня, вспоминая дяди-Мишину речь, – а что такое „был утоп“? И „был затянуло“ тоже? Что это за форма такая?»

Она смотрит на замерший неподвижный поплавок, и мысли на заданную тему сами крутятся в её голове.

«Глагол. В прошедшем времени. Сложный – со связкой. Что-то сохранилось из древнерусского языка. Плюсquamперфект, что ли? Предпрошедшее время? Незавершённое. Он же не „утоп“! Не успел. Дядя Миша его спас. То есть „чуть не утоп“, но мог, начинал это делать. Тонул. Но не на момент рассказа. А вчера. И действие было продолжительным. И незаконченным. Тонул, но не утонул. Не дали! Хотя здесь так говорят... Нет, ну точно плюсquamперфект!»

Таня вспоминает слышанные раньше в деревне «был пошёл», «был подумал», «был поехал».

Затем в подсознании у неё всплывает крыловская ворона.

«„На ель ворона взгромоздясь, позавтракать совсем уж было собралась“, – цитирует про себя Таня. – А в конце вообще – „с ним была плутовка такова“. „Была такова“ – гениально!»

Таня замирает от лингвистического открытия – вот они, следы древнерусского языка, – живы и здоровы, существуют, бытуют и употребляются наяву, здесь и сейчас.

Она с тоской думает о всезнающем Гугле, и ей впервые за месяц отдыха хочется к экрану компьютера, от которого сейчас с таким упоением отдыхает, глядя на воду. С каким удовольствием она бы сейчас порылась и покопалась в электронных мозгах в поисках подтверждения или опровержения версии.

«Это что же получается? – радуется Таня. – В диалекте старые плюсквамперфектные формы сохранились!»

– Да я ж тебя! – никак не может успокоиться и продолжает неистовствовать незадачливый рыболов справа.

– Ты там потише! – окорачивает его с другой стороны дядя Миша.

– А чё он! Всю рыбалку испортил! – откликается на замечание бедолага.

Вскоре на тропинке раздаются его шаги, свистящие касания одежды о ветки и громкое тяжёлое дыхание через рот. За вёслами быстро мелькают и исчезают в высокой некошеной траве контуры фигуры.

– Домой побёг, – комментирует со своего места дядя Миша. – За леской.

Деревня находится неподалёку.

Рыбалка, однако же, продолжается. Караси клюют, иногда светит солнце, иногда накрапывает дождь, мысли текут, разговоры неспешно ведутся.

К вечеру рыбаки, собрав снасти, возвращаются домой.

Заглянув в сад, Таня призывно кричит в пространство:

– Обамушка! Иди рыбку есть!

Из-под вишни неспешно появляется разбуженный заспанный чёрный кот и идёт по тропинке к рыболовам.

– Ну что, дождался? – спрашивает любимца догадывавшаяся о его присутствии Таня.

А кот, в загоревшихся азартом светло-зелёных глазах которого читается «наконец-то!», радостно-заинтересованно смотрит на садок и принимает карася из рук Таниного мужа, кладёт на сочно-изумрудную травку и наблюдает, как подпрыгивает и изгибается сверкающая серебристая рыбка.

А Таня отворачивается – карасика ей очень жалко.

Золотая пуговица (из семидесятых...)

Нине Русановой

(Кате от Тани)

— *А вдруг они не золотые?* спросил любимый сын лейтенанта...

— *А какие же они, по-вашему?* иронически спросил нарушитель конвенции.

И. Ильф, Е. Петров

«Золотой телёнок»

Идея исходила от адажских.

Скорее всего, она пришла именно в их светлые изобретательные головы.

Может быть, четырёх Игорей, трёх Серёж, Толика или Андрея.

А в чьи же ещё?

Не в Надину же или Ритину!

Это адажские по часу, а то и по два сидели и ждали свой автобус. И придумывали разные штучки. Развлекались, чтобы не было скучно.

Автобус, который отвезёт их домой из городской школы в посёлок Адажи, а точнее, в военный городок, где они жили.

И автобус был именно такой – «военный». За рулём сидел солдат, а рядом – дежурный офицер, старший машины.

А отцы адажских служили в этой воинской части. Они и придумали возить детей в школу в Ригу на специальном автобусе – всех – с первого до десятого класса.

Конечно, из Адажи в Ригу ходили и обычные рейсовые автобусы. Но чтобы дойти от школы до остановки городского автобуса, надо было пересечь оживлённое шоссе.

И командование части, само обременённое потомством, решило возить детей на специальном транспорте.

Всё организовали очень удобно. Двадцать минут – и дети дома. К тому же дорогу переходить не надо, что было очень важно для младших.

Автобус подбирал по пути и детей сельчан из колхоза «Адажи». Тех, которых родители решили отдать в городскую, а не в сельскую школу.

Автобус привозил учеников первой смены утром и уезжал.

А к двенадцати часам уже стоял напротив школы в ожидании, когда закончатся уроки и все соберутся.

Свой график существовал и для второй смены.

Но если у кого-то из первой смены уроки заканчивались раньше, то отправления автобуса приходилось ждать.

Можно было сидеть в вестибюле школы, можно – в автобусе, а можно – и напротив школы – на скамейках на площадке. В зависимости от погоды и настроения. Но никуда не уходить.

Так что свободного времени на обдумывания и изобретения у адажских имелось в избытке.

К тому же некоторые одноклассники любили после уроков немного задержаться и пообщаться с адажскими – поболтать, в снежки поиграть, в классики, в резиночки или покататься на ледяных дорожках.

«Гэшки» вообще были общительными, добрыми и отзывчивыми детьми.

Ещё бы! Ведь их учила самая лучшая, самая добрая и самая красивая учительница. Класс был большим. Многие жили рядом со школой, а кто-то ездил одну-две-три остановки на трамвае.

Вот тогда-то, классе, наверное, в третьем, кто-то из адажских и сделал изобретение. Или это был плод их коллективного разума? Общеавтобусного?

Словом, гипотезу придумали и сформулировали. И под большим секретом шёпотом рассказали всем одноклассникам. С предложением ввести рационализацию в жизнь.

Здесь адажские нуждались в реальной помощи. Ведь им категорически запрещалось отходить от своего автобуса. Да и не всем рижанам разрешалось ходить на трамвайное кольцо. Тут могли помочь только те, кто ездил в школу на трамвае. На их плечи и возлагалось тестирование. По предположениям новаторов, положительный результат был неминуем. Они гарантировали, что всё получится в лучшем виде – вот просто на раз-два – блестяще!

Блестяще, как пуговица.

А что же ещё?

Нормальная большая офицерская золотая пуговица. Ну та, что у пап на шинелях и кителях! Со звездой и гербом. Металлическая. На круглой ножке с дырочкой.

Дальше суть эксперимента излагалась очень тихо – сугубо конфиденциально и особо доверенным лицам из третьего «г».

Так вот.

Берётся пуговица, ещё нужны рельсы и трамвай.

Пуговица кладётся на рельсы, трамвай едет по рельсам и, соответственно, по пуговице.

Некоторые критически и реалистически настроенные умы из третьего «г» сразу сказали, что идея абсурдна, бесперспективна и неприемлема. Ни в коем случае нельзя этого делать! А вдруг трамвай с рельсов сойдёт? Но четыре Игоря, три Серёжи, Толик и Андрей отменили критику и заявили, что ничего страшного не случится. Зачем бы он стал с них сходить? Он же тяжёлый и большой, а пуговица по сравнению с ним маленькая, просто крошечная. К тому же по кольцу трамвай едет медленно. Он только пуговицу расплющит – сделает совершенно плоской. Что от него и требуется. И тогда получится... Что бы вы думали?

Да всё очень просто! Особенно для сообразительного рационализаторского ума.

Ну?

Ну!

Не сообразили ещё? Герб на металлическом кругляшке...

Ну?

Мысль заработала?

Три копейки получатся! Или даже пять!

Надо только попробовать – опыт провести.

Пять копеек по размеру, конечно, больше, чем три. Но какого диаметра будет расплющенный кругляшок, никто сразу предположить не мог.

Требовалось всё проверить экспериментальным путём.

Однако желающих ставить опыты на трамваях не находилось. Все были детьми воспитанными и послушными.

В классе, помимо адажских, тоже учились дети военных. Так что и шинели, и кителя с пуговицами, и коробочки с запасными пуговицами у многих дома имелись.

Вот и Таня была «капитанской дочкой». И жила она напротив школы. И адажский автобус был виден из её окна.

Класс в те дни бурлил и рокотал: получится или не получится, можно или нельзя, как осуществить замысел и кто за это возьмётся.

– А тебе на кольцо можно? – спросил кто-то из адажских Таню после уроков в те переполненные напряжёнными и острыми дискуссиями дни.

Таня сразу поняла, что к чему, и с удовольствием ответила, как отрезала:

– Нет, нельзя!

Ей вообще можно было только рядом с домом гулять. И ещё около школы. И то – недолго. И ни на какое трамвайное кольцо ходить ей не разрешалось.

– Жалко, – сказал кто-то из Игорей, Серёж и всей компании.

Таня изначально была противницей бредовой доктрины. Ну как три копейки могут из пуговицы получиться! Ерунда какая-то!

И одноклассников она убеждала, что на копейках же всё совсем другое – цифры написаны – 3 и 5, а на пуговице – звёздочка. Но с её весомой аргументацией соглашались далеко не все.

И ещё Таня понимала, что адажские идут неправильным путём. А вдруг они действительно трамвай с рельсов пустят?

И как можно потом использовать эту расплюснутую железку, выдавать её за монетку?! Ведь это же фальшивомонетничество и преступление! А этого делать ни в коем случае нельзя, потому что это очень плохо.

В беседах с сомневающимися одноклассниками свою точку зрения Таня высказывала. Потому к ней с предложениями о проведении эксперимента и не обращались, понимали, что не пойдёт она на такое.

К тому же Таня была отличницей. И командиром отряда. Командовала классом на всяких мероприятиях – «Отряд! Равняйся! Смирно!» говорила. На смотре строя и песни, например. Шла рядом с выстроенными по парам соучениками и громко с выражением декламировала: «Левой! Левой! Раз-два-три!» А потом рапорт сдавала: «Товарищ председатель совета отряда! Третий „г“ на смотр строя и песни построен и готов!» И класс неизменно завоёвывал первые места. Потому что чувствовал себя хорошо отрегулированным механизмом, особенно когда дружно чеканил шаг по спортивному залу и громко слаженно пел: «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“!» И единение, и духовная общность, и чувство локтя, и причастность к чему-то высокому – всё звучало в этой песне и сильно сближало одноклассников.

Но в те дни класс разделился на два лагеря. Меньшая часть увлеклась авантюрной концепцией. Большая часть подвергала её остракизму. Одни уверяли, что три копейки получатся, другие говорили, что ни за что не получатся. Ну как они могут получиться! Бред какой-то! Да и за трамвай страшно! И за пассажиров! И за водителя трамвая! И за прохожих!

А в целом класс замер и затаился. Видимо, перспектива лёгкой наживы стала для кого-то притягательной, идея активно муссировалась в адажском автобусном сообществе. Хотя, наверное, изначально она пришла в более старшие головы.

А в третий «г» доктрина внедрилась, поселилась и навязчиво обсуждалась. Она прижилась, будоражила умы, не давала покоя и даже не то, чтобы витала в воздухе лёгким облачком, а лежала и набухала в земле грузным тяжёлым семенем. Дебаты не прекращались, хотя велись шёпотом и с оглядкой.

Однако провести эксперимент никто не решался и не брался.

Пока наконец неуверенные и робкие круги третьего «г» не потрясла новость: испытания провели старшие товарищи – взрослые – чуть ли не шестиклассники. Уж им-то на трамвайное кольцо можно было ходить! И в магазин тоже. А взрослые знают, что делают! Они же взрослые! И умные! В шестом классе учатся!

Так вот: у них всё получилось!

Настоящие пять копеек! А у кого-то – три!

Точных данных о конечном продукте, добытом в результате рискованных испытаний, слухи не передавали. И адажские предполагали, что всё зависит от чистоты эксперимента. Три или пять – это как расплющит! Пробовать надо!

Но главным было то, что трамвай оставался в целостности и сохранности! Никуда не падал, а ехал себе невредимый дальше по рельсам как миленький.

И тут всю начальную школу взбаламутило и затрясло. Всем захотелось попытаться. Это же так просто! И очень интересно.

Вот тебе пуговица, а вот – раз – и три копейки! Или целых пять! А на них можно пакетик картофельной соломки в магазине купить. Адажской, кстати. Её там выпускали.

Говорят, что все адажские шестиклассники так делали. Плющили пуговицы и соломку на получившиеся пятаки покупали.

К тому же они учились во вторую смену. И свои рискованные опыты умудрялись проводить вечером после уроков – под покровом темноты, не привлекая внимания посторонних.

Таня никогда не поддавалась массовому ажиотажу. И безумный замысел одноклассников её не захватил. Она свою точку зрения высказала и в трамвайно-пятикопеечных дебатах больше не участвовала.

Но вот однажды, когда Таня вышла из школы после уроков, её окликнула Неля.

– А давай на лёдике покатаемся! – предложила она. – Там адажские, знаешь, как здорово у скамеек раскатали! Нам с Наташкой можно немножко на площадке поиграть.

Неля и Наташа ездили в школу на трамвае.

Длинные хорошо раскатанные ледовые дорожки очень высоко ценились в рядах третьеклассников. И Таня согласилась немного покататься.

Неля поставила портфель и сумочку со сменной обувью на скамейку, поправила красный шарф, закинула на спину две толстые косы, выбивавшиеся из-под того же красного цвета шапки, и прокатилась по слегка припорошённой дорожке. Ехала она, уверенно скользя, быстро, лихо и ловко.

– Смотри, какой лёдик хороший! – с удовольствием сказала она и слегка шмыгнула носом.

За ней, поставив на скамейку свой портфель и сумочку со сменной обувью, проехала Наташа.

Крупная снежинка упала на Танины ресницы, девочка моргнула, и щеке стало щекотно. И Тане захотелось окунуться в зимние игры – в снегопад, в катание на ледяных дорожках. Она тоже поставила свой портфель и клетчатую сумочку со сменной обувью на скамейку рядом с Нелиными и Наташиными и прокатилась. Ехать по тёмно-серой блестящей дорожке было очень приятно. А дальше перед Таней возникла ещё одна дорожка. А вокруг светилась настоящая белая зимняя сказка с волшебным снегопадом.

Девочки принялись кататься друг за другом. Разбегались и долго ехали, выставив одну ногу вперёд, рассекая снежинки, раздвинув руки в стороны и держа равновесие.

А потом к ним присоединились и адажские, которые оставили портфели в своём автобусе, выбежали и включились в общее веселье.

Накатавшись, Таня засобиравалась домой. И Неля с Наташей пошли вместе с ней – проводить. Им всё равно надо было пройти немного дальше, мимо Таниного подъезда – на трамвайное кольцо. Получалось так, что Таню так многие одноклассники до дома провожали – просто шли по пути за компанию.

– А у тебя пуговицы золотые дома есть? – как-то странно и озабоченно спросила Неля Таню по пути.

– Есть, – ответила Таня, удивляясь тому, насколько живучей и прилипчивой оказалась мысль.

Сама она уже успела забыть об этой ахинее.

– А принести можешь? – поинтересовалась Неля.

– Мне надо у папы спросить, – ответила Таня.

– Спроси! – активно и очень настойчиво сказала Неля.

– Но ведь вы же её под трамвай положите! – прозорливо ответила Таня.

– Нет! – горячо возразила Неля. – Ты что!

– А зачем она тебе тогда? – спросила Таня.

– Просто посмотреть хочу, – находчиво объяснила Неля. – Сравнить. Что тебе жалко, что ли? Попроси, а? Ты что – жадина, что ли? Интересно же!

По обилию «что ли» Таня почувствовала, что ей врут. Но она обещала попросить. Как можно отказать одноклассницам? Особенно если они так жалобно просят? И жадinou она никогда не была и становиться не собиралась. И списывать всем всегда давала.

– Только ничего про деньги не говори! – предостерегла её Неля. – Мы же адажским обещали никому ничего не рассказывать! Своим в классе можно, а больше – никому!

Таня обещала соблюдать обет молчания.

В тот же вечер она попросила у папы пуговицу.

Папа удивился и пуговицу дочке дал.

– Ну как? – встретила её перед первым уроком на следующее утро Неля. – Принесла?

Таня благородно отдала ей золотую пуговицу.

Она прекрасно понимала, что её обманули. И пуговицу обязательно пустят в дело. Наверное. Вот зачем бы Неле понадобилась золотая офицерская пуговица? Что с ней делать?

– Похоже! – задумчиво сказала Неля, вертя пуговицу в руках.

– Да не похоже совсем! На пяти копейках звёздочки нет, – попыталась вразумить её Таня.

– Да-а-а, – медленно произнесла Неля, разглядывая пуговицу с обеих сторон.

Таня в глубине души очень надеялась на благоразумие одноклассниц.

«Наверное, им просто захотелось её рассмотреть и убедиться, что ничего не получится!» – думала Таня.

– Только вы, – предостерегла она девочек, – не вздумайте её под трамвай положить!

– Да ты что! – уверила Таню Неля и для убедительности поправила очки на переносице.

– А все адажские так деньги делают! – простодушно вставила Наташа, но внезапно, что-то осознав, осеклась и затянула белый бантик на белесом тонком хвостике.

– Кто это? – усомнилась Таня, зная, что одноклассники не должны уходить от своего автобуса и не уходят – они дети хорошие и правильные – все Игоря, все Серёжи, Андрей и Толик, а уж Рита с Надей – тем более.

К тому же случись такое, они бы обязательно рассказали об успехе эксперимента.

– Ну, большие! Взрослые! – пояснила Наташа. – Шестиклассники!

В тот день после уроков Неля с Наташей не стали кататься на ледяных дорожках, они очень спешили домой.

– Я обещала маме пораньше приехать! – сказала Неля.

Невысокая Наташа молчала, она всегда следовала тенью за крупной и харизматичной подружкой.

А одной кататься Тане не хотелось. Она дошла с девочками до поворота к своему подъезду.

И Неля с Наташей направились на остановку.

Таня поравнялась с входной дверью и всё-таки задержалась – посмотрела вслед одноклассницам, уже стоявшим на трамвайном кольце.

Издалека она увидела подъезжавший трамвай.

Жёлтая с двумя тёмно-красными полосами махина грохотала железными колёсами по рельсам и медленно приближалась к конечной остановке. Здесь трамвай всегда притормаживал, объезжал небольшое здание и газетный киоск, а потом останавливался и долго стоял с открытыми дверями в ожидании вагоновожатого, который всегда выпрыгивал из трамвая, заходил в служебное помещение, потом появлялся из него со стаканом чая, накрытым сверху булочкой, и направлялся в свою кабину.

Трамвай, подъехав к кольцу, замедлил ход и на этот раз.

Неля с Наташей пошептались. И вот к рельсам выскочила Неля, быстро положила что-то на них и отбежала в сторону, обратно к Наташе и куче из двух портфелей и сумочек для сменной обуви. Обе девочки замерли в ожидании.

Таня поняла, что одноклассницы решили-таки провести свой опыт. С её пуговицей! Она отошла от входной двери и стала смотреть сквозь засыпанные снегом ветки кустов на трамвай и на затаившихся в ожидании и нетерпении Нелю с Наташей.

Но трамвай, вместо того, чтобы тяжело и неспешно проехать по пуговице, остановился. Из него быстро выпрыгнула грозная тётенька-вагоновожатая и принялась ругать Нелю и Наташу, резко размахивая руками. Потом вагоновожатая стала рассматривать рельсы и энергично спихнула с них что-то ногой.

«Пуговицу выбросила», – подумала Таня.

Перепуганные девочки подхватили портфели и сумочки для обуви, резко рванули и побежали прочь с трамвайного кольца – прямо к Таниному дому, который был недалеко.

И Таня, увидев всё это, не пошла в подъезд, а осталась их ждать.

Запыхавшиеся краснощёкие одноклассницы в сбившихся набок шапках, из-под которых торчали растрёпанные волосы, наконец свернули к её подъезду.

– Вы же обещали! – только и сказала Таня.

– Нам попробовать хотелось! – объяснила, тяжело дыша, Неля. – У всех же получается!

Тем временем вагоновожатая вернулась в вагон, трамвай пошёл своим ходом, медленно сделал круг и остановился.

А Неля с Наташей ещё покрутились возле Таниного подъезда, поболтали с ней и отправились домой немного погодя – на следующем трамвае. Жалели они только о том, что не успели забрать пуговицу, которую вагоновожатая с негодованием столкнула с рельсов в сторону. Но они надеялись ещё поискать и найти её.

Больше опытов с расплющиванием пуговиц никто ни в третьем «г», ни в других классах не проводил. Об отказе от золотодобычи поведали всё те же взрослые шестиклассники. С выгодной затеей пришлось расстаться, потому что транспортники на трамвайном кольце принялись пристально следить за всеми школьниками. Видимо, к тому моменту процедура подкладывания золотых пуговиц на рельсы приняла массовый характер. И «вся школа» методично этим занималась, а вагоновожатые стали бдительно следить и бороться с юными экспериментаторами. Мало ли что им взбрёт в головы, и что ещё они начнут класть на рельсы! Авантюристы, романтики, мечтатели и фантазёры, которые просто по-детски верили в чудо.

Всё-таки какое прекрасное чувство – ожидание чудес!

Ведь когда много лет спустя Таня вспомнила эту историю и рассказала её в одном хорошем и дружном коллективе, взрослый умный образованный дяденька (совсем не шестиклассник!) любознательно поинтересовался перед оглашением результатов опыта: «Ну и как?» под хохот всех остальных. Наверное, ему было просто интересно, а что же там получалось на самом деле.

Всё-таки детская мечта о волшебных превращениях тоже сидела в нём – где-то глубоко-глубоко.

Уженье карасей, или О практической пользе классики

Без грузила только уклейку ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдёт тебе без грузила.

А. П. Чехов

«Злоумышленник»

Папу мальчика любили все деревенские коты – весь домашний прайд: и Мурка, и Пуся-Пусечка, и Мурчик. И соседские Мурзик с Матильдой очень уважали.

Помнили о нём, ждали, сопровождали во всех передвижениях, следили за каждым жестом и шагом. Кажется, даже подслушивали.

Хотя он их не очень-то жаловал: не гладил, не сюсюкал, не обращал внимания.

Но стоило ему только подняться с садового стула или скамейки, стоявших на лужайке перед домом, и пойти в сад, как кошачьи сразу вскакивали и вприпрыжку бежали вслед за ним.

Ещё бы! В саду стояла до краёв наполненная водой старая ванна, а в ней плавали караси.

И здесь папина добрая душа не выдерживала, и папа вылавливал по рыбке-другой каждому члену своей верной хвостато-усатой свиты.

В ожидании угощения питомцы беспокойно тёрлись о его ноги, заискивающе и преданно ластились, угодливо мурлыкали, душераздирающе мяукали, проявляли большую нежность и почтительную признательность.

Надо ли говорить о том, что они провожали папу на рыбалку до самой калитки, долго сидели возле неё терпеливыми сфинксами и восторженно встречали.

Кажется, что они ожидали и каждого папиного приезда в деревню, телепатически угадывая дату.

В самом начале лета папа привозил семейство из города и увозил в конце, проводя в благодатных условиях и свой месяц отпуска.

В доме с его отъездом устанавливалось женское царство – прабабушка, бабушка, мама. И мальчик среди них. Естественно, ни о каких карасях речи уже не шло.

И вот в одно прекрасное (а каким оно ещё может быть?) лето в мальчике проснулся рыбацкий азарт. До сих пор он не проявлялся, вероятно, дремал, а тут вдруг неожиданно вспыхнул. Так что как-то в самом начале июня (сразу после папиного отбытия) воплотился в простую фразу: «Мама! Пойдём на рыбалку!»

Мама от подобного призыва ошалела.

Рыбалку она не любила. И не знала более скучного, изматывающего и нудного занятия.

То есть на мероприятия ей приходилось присутствовать, но лишь в качестве сопровождающей. Сам процесс был глубоко чужд её тонкой художественной натуре. Она вообще была против того, чтобы вот так ни за что ни про что вылавливать и умерщвлять живых существ.

Хотя жареных карасей любила. Особенно мелких и с хорошо прожаренной аппетитно-золотистой корочкой.

Более того, карасей она сама непосредственно и жарила – искусно и со знанием дела. Правда, только после того, как папа их чистил. Следует сказать, что другой рыбы в деревенских прудах не водилось.

Но на рыбалку с папой мама предпочитала не ходить.

Ну разве что ездить – обновить впечатления, погулять в полях, искупаться в речке или дальнем пруду, сменить обстановку.

Но сколько можно купаться, рвать белые ромашки, синие васильки, голубую луговую герань, фиолетовые колокольчики, сиреневый дикий чеснок и долго-долго мучительно ждать, когда всё это кончится!

Мама помнила, как в детстве они с кузиной ездили со своим дедушкой (прадедушкой мальчика) на пруд и гуляли по окрестностям, фотографировали поля, стога и друг друга, плели венки, пели песни и, в конце концов, бывали очень утомлены. И кузина, пребывая в том нынешнем благословенном возрасте её сына, тайком, пока дедушка смотрел на красный поплавок, потихоньку вытаскивала карасиков из стоявшего рядом ведра с уловом и незаметно сердобольно отпускала обратно в тихую воду – на свободу. К счастью, любимый добрый дедушка коварства младшенькой не замечал. Да и если заметил бы, то всё бы благополучно сошло с рук.

Так что рыбалку мама искренне и от души не любила – ей было скучно.

Но когда мальчик высказал желание половить рыбу, сердце её дрогнуло.

Конечно, мужчине исполнилось семь лет, и он захотел испытать счастье охотника и добытчика!

Рыбу он, правда, не ел.

Надо сказать, что мамашей она была самоотверженной и поддерживала сына во всех начинаниях.

Вплоть до праздного сидения за рулём соседского зелёного трактора с ковшом в контексте «Как поеду!» (спасибо всепонимающему дяде Серёже, оставившему кабину открытой). Но это уже было пройденным этапом.

– А на что же мы будем ловить? – спросила она любимое чадо. – Папа ведь удочку увёз с собой.

Но любимое чадо, обследуя сарай, обнаружило там старую прадедушкину удочку со спутанной леской и гусиным пером в качестве поплавок.

Орудие лова было не менее двадцати лет.

Мальчик немедленно притащил находку и утверждающе-доходчиво с большой радостью сказал:

– Вот на это!

Мама критически оглядела раритетную снасть.

– Н-да! – задумчиво произнесла она. – Только как? Ты умеешь?

– Да очень просто, – доходчиво ответил ребёнок, в котором пробудились генная память и воспоминания о прогулках у пруда, в котором родитель удил рыбу. – Берёшь удочку, забрасываешь её в воду и ловишь!

– А насаживать что будешь? – поинтересовалась мама, пытаясь детализировать и конкретизировать проблему.

– Червяка! – весело и уверенно продемонстрировал осведомлённость добытчик.

Мама попыталась представить процесс, и ей стало нехорошо – взять такую наживку в руки, да ещё причинить ей боль, проколоть живое создание она не смогла бы.

– Червяка надо насадить на крючок, – продолжал развивать тему мужчина, – а крючок привязать к леске. Что же тут сложного?

Мама согласилась, что всё предельно просто, и пошла в дом – к хозяйственному шкафу.

В ходе поисков ей удалось-таки найти старую видавшую виды жестяную банку из-под леденцов – в ней когда-то прадедушка хранил рыболовные принадлежности. В банке до сих пор лежала пара крючков.

Мама с опаской посмотрела на них.

«Так, – подумала она, – удочка, леска, крючок, поплавок. А что ещё?»

В её мозгу всплыло странное слово «грузило», но она весьма смутно представляла себе, что это такое, где его взять и куда девать.

А поскольку она имела некоторое отношение в литературе, то сразу вспомнила чеховского «Злоумышленника».

«Ага, – весело подумала мама, – злоумышленник откручивал гайки на железной дороге. Значит, для утяжеления можно пользоваться гайкой! А почему бы и нет? Классики плохому не научат!»

Необходимо отметить, что действие происходило ещё во времена, предшествовавшие всеобщей «мобилизации». Так что проконсультироваться по сотовому телефону с папой было невозможно и приходилось действовать самостоятельно.

Процесс поисков и «перерывания» хозяйственного шкафа выявил большую банку с гайками и шурупами. Их оказалось немного, и все они были разными.

«Интересно, – думала мама, выдвигая ящики, перекладывая, внимательно-придирчиво изучая их содержимое и гремя железками, – а какого размера должна быть гайка?»

Она выбрала из многообразия экземпляров один – он показался ей соизмеримым с величиной небольшого карася.

В размышлениях о собирании конструктора под названием «Удочка» ребёнку был пересказан и прочитан чеховский рассказ.

Добытчик смеялся, острил и горячо поддержал идею ловить рыбу на гайку.

Через некоторое время все необходимые компоненты/«ингредиенты» были собраны в кучку и разложены на крыльце.

Мама с мальчиком уселись рядом и принялись думать, что к чему и в какой последовательности надо прикреплять.

Сначала мама долго пыталась размотать запутавшуюся ещё в прошлом тысячелетии леску. Новой в хозяйстве не нашлось, поэтому приходилось использовать артефакт.

Узел был давним, закорячавшим и абсолютно не поддающимся терпеливой и скрупулёзной мамаше.

Вопрос решили просто: отрезали проблемный кусок ножницами. Оставшийся огрызок оказался коротким, но ничего иного под руками у них не было.

– На безрыбье и рак рыба! – философски изрекла родительница.

Но ребёнок пресёк её пессимизм:

– Ты что? Не говори так, мама! Мы должны ловить рыбу! А как же мы кошкам будем в глаза смотреть?

Кошачий прайд, надо отметить, оказался весьма наблюдательным. И на появление удочки отреагировал с большим вниманием, любопытством, уважением и надеждой. Кошки сразу всё поняли, а Мурка с сыном Пусей-Пусечкой устроились неподалёку и дремали в травке.

Процесс пошёл.

Два компонента изначально уже были скреплены: удочка и леска.

Конструкторы понимали, что на конце должен болтаться крючок. Его долго прикрепляли, мучительно бились над узлом, который в итоге получился каким-то толстым, много раз перекрученным, но зато надёжным.

Но где-то ещё требовалось закрепить старый поплавок из гусяного пера и гайку.

Однако в какой последовательности и на каком расстоянии от крючка – никто дома не знал.

И тут гуманитарнообразованная мамаша вспомнила, что в доме есть собрание сочинений Сергея Тимофеевича Аксакова, а у него (О, великая сила, польза и практическое значение классики, можно даже сказать – предназначение!) есть дивное сочинение – «Заметки об уженье рыбы».

Из книжного шкафа немедленно был извлечён необходимый том.

– Вот где пригодился мой красный диплом! – пробормотала мама и поблагодарила родной вуз, снабдивший её такими полезными знаниями.

Они вместе с мальчиком уселись на горячем прогретом солнцем деревянном крыльце рядом с недособранным приспособлением и принялись штудировать «Заметки...»

Сергей Тимофеевич был точен и основателен, давая практические рекомендации и по главам перечисляя и описывая все снасти.

Правда, времена несколько изменились, и это вносило некоторую сумятицу в общий алгоритм действий.

Рыбодобытчики проглатывали слово за словом, впитывали знания с повышенным вниманием и вскоре дошли до лески.

– с выражением прочитала мама под хохот сына и покатила в рыданиях вслед за ним. *«Надобно выдернуть волосы из хвоста белой лошади; выбрать самые длинные, ровные, белые и прозрачные...»*

Лошадей в округе почти не было, а белых – тем более.

Соседская дяди-Серёжина лошадь им никак не подходила, паслась где-то далеко, была тёмно-коричневой и хвост имела чёрный. А уж подойти к ней, а тем паче дёрнуть за хвост, казалось невыносимой авантюрой.

Оба чисто теоретически представили себе картину подкрадывания и прикосновения к животному. Было совершенно ясно, что на это никто бы даже не отважился.

Но чтение становилось всё более захватывающим.

– читала дальше мама и с грустью осознавала, что очень смутно представляет себе сам процесс и в эту когорту не вписывается. *«...всякая женщина умеет ссучить на руках... несколько шелковинок или ниток... какой угодно толщины и длины...»*

Однако леска у них уже была.

Отсмеявшись по поводу лошади с её хвостом, рыболовы перешли к поплавам и грузилам. Вскоре они очень хорошо в деталях представляли себе предстоящее действие.

Но вопрос о последовательности привязывания гайки и поплавок оказался неразрешимым и представлялся чем-то вроде апории Зенона: что первично – курица или яйцо. Под эту сурдинку мамаша просветила ребёнка, в краткой и популярной форме снабдив его знаниями об основах греческой философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.